

Часть третья ПРИМЕРЫ

Глава IX ВОЙНА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ 1990—1991 гг.

Энтони Харта

1. НАЧАЛО ВОЙНЫ

2 августа 1990 г. войска Ирака вторглись на территорию государства Кувейт. Правительство Саддама Хусейна заявило, что применение Ираком военной силы было оправданным. Оно, по-видимому, считало, что в ответ на захват территории, которую Президент Хусейн назвал провинцией Ирака, другие государства никаких действий предпринимать не будут. Это убеждение оказалось полным просчетом.

В 2 часа ночи самая грозная в арабском мире армия вторглась в Кувейт и сломала кувейтское сопротивление. Большинство членов кувейтской королевской семьи бежало в Саудовскую Аравию, в том числе и эмир Кувейта шейх Салем ас-Сабах. Иракские войска заняли столицу город Кувейт и к рассвету по существу контролировали всю территорию страны. Мир был пред лицом *fait accompli*¹ — Ирак присоединил к себе Кувейт.

Статус Кувейта как отдельного геополитического образования определялся теми границами, которые были навязаны ему Великобританией после Первой мировой войны. Но начиная с 1961 г. страна существовала уже как независимое государство и была принята в Организацию Объединенных Наций². Мировое сообщество признало Кувейт как суверенное государство. С 1752 г. при

¹ *Fait accompli — свершившийся факт (фр.).

² Regan R.J. Just War: Principles and Cases. Washington DC: Catholic University of America Press, 1996. P. 172.

меняющихся обстоятельствах страной правили члены рода ас-Сабах¹. Будучи в течение нескольких столетий частью Оттоманской империи, это государство, согласно подписанному в 1913 г. соглашению с Англией, стало вполне автономным (разумеется, это была автономия, подчиненная британским интересам).

Ирак также существовал в значительной степени благодаря тому, что так постановила Великобритания, которая в 1921 г. вопреки возражениям Турции выкроила из территории Месопотамии государство Ирак. В составе Оттоманской империи Ирак не был единым образованием. Существовали три отдельные провинции: Мосул, Багдад и Басра, частью последней являлся современный Кувейт². Как заметил в 1990 г. бывший британский посол в ООН сэр Энтони Парсонс: «Мы, британцы, полностью скроили Ирак. Ирак всегда был искусственным государством; у него не было ничего общего с жившим в нем народом»³. Претензии Ирака на то, что Кувейт является по существу частью Ирака, не новы и восходят еще к 1932 г., когда Ирак формально стал независимым членом международного сообщества⁴. Иракские правители, начиная с короля Гази в 1938 г. и кончая Абдель-Керимом Касемом в 1961 г., заявляли, что Кувейт является частью провинции Басра, и угрожали захватить этот регион, используя военную силу⁵. Давнишний характер этой претензии и в равной степени давнишняя отстраненность международного сообщества от этого вопроса, вероятно, объясняют, почему в 1990 г. шумные угрозы Саддама Хусейна не были приняты всерьез. Вдобавок к существованию более широкой проблемы статуса Кувейта Ирак начиная уже с 1973 г. пытался заполучить кувейтские острова Варба и Бубиян, которые благодаря своему географическому положению преграждали Ираку доступ к Персидскому заливу. Кувейт отказался передать эти острова Ираку или сдать их в аренду⁶. Многие

¹ *Yetiv S.A.* The Persian Gulf Crisis. Westport CT: Greenwood Press, 1997. P. XVII.

² *Ibid.* P. 7.

³ *Frankel G.* Imperialist Legacy: Lines in the Sand // The Washington Post. 1990. 2 April. P. A20. Цит. по: *Geyer A., Green B.G.* Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. Louisville KY: Westminster/John Knox Press, 1992. P. 34.

⁴ *Ibid.* P. 33.

⁵ *Freedman L., Karsh E.* The Gulf Conflict 1990—1991: Diplomacy and War in the New World Order. Princeton N.J.: Princeton University Press, 1993. P. 43.

⁶ US Department of Defense. Conduct of the Persian Gulf War. Washington DC: US Government Printing Office, 1992. P. 7.

иракцы, размышлявшие над этим вопросом, несомненно, считали, что Ирак стал жертвой несправедливости могущественных западных стран.

На следующий день после вторжения, 3 августа 1990 г. Организация Объединенных Наций осудила захват Ираком своего южного соседа и призвала к немедленному выводу войск Ирака из Кувейта. Через три дня Совет Безопасности наложил экономическое эмбарго на экспорт нефти из Ирака и весь иракский импорт, кроме некоторых гуманитарных товаров (Резолюция 661). Ирак остался непреклонен. 8 августа правительство Хусейна выслало из страны всех находившихся в городе Кувейт иностранных дипломатов и формально присоединило Кувейт в качестве 19-й провинции Ирака. После этого ООН неизменно высказывала свое осуждение политики Ирака. Кульминационный момент наступил 29 ноября 1990 г., когда Совет Безопасности ООН санкционировал использование военной силы для изгнания иракцев из Кувейта, если к 15 января 1991 г. те не выполнят требований ООН (Резолюция 678). Таким образом, несмотря на продолжавшиеся разнобразные дипломатические усилия, под этим вопросом была наконец подведена черта.

Ирак дал знать о своих намерениях еще в июле 1990 г. 16 июля министр иностранных дел Ирака Тарик Азиз направил в Лигу арабских стран воинственное письмо, в котором заявлялось, что «отказ Кувейта разрешить пограничные споры с Ираком, отклонение Кувейтом требований Ирака об отмене его многомиллиардного долга и упорство Кувейта в выкачивании нефти в количествах, превышающих квоты добычи стран — членов ОПЕК, равнозначны военной агрессии»¹. Финансирование длительной и дорогостоящей войны с Ираном за счет займов на сумму более 37 млрд долл., полученных от соседних арабских стран, займов, возместить которые правительство Ирака не могло, вызвало в Ираке экономический и политический кризис. Возможно, весь долг Ирака доходил до 80 млрд долл., государство было по существу банкротом, и в первые месяцы 1990 г. политическое выживание Президента Ирака становилось с каждым днем все более проблематичным². В мае Хусейн устроил в Багдаде встречу

¹ *Gordon M.R., Trainor B.E.* The General's War. N.Y.: Little/Brown and Company, 1995. P. 14.

² *Geyer A., Green B.G.* Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. P. 38.

арабских стран на высшем уровне, где потребовал, чтобы все арабские страны соблюдали квоты добычи нефти, нарушение которых стоило Ираку многих миллиардов долларов. Он назвал нарушение этих квот фактическим началом войны против Ирака. Хусейн резко обвинил Кувейт в подрывной деятельности против его страны, поскольку тот отказался простить Ираку военные займы или сделать какие-нибудь территориальные уступки¹.

Когда 2 августа две дивизии республиканской гвардии Ирака при поддержке разнообразных спецподразделений и в спешном порядке приданных им других подразделений иракской армии перешли кувейтскую границу, крошечные военные силы Кувейта оказали иракцам энергичное, но короткое сопротивление. Саддам Хусейн полностью завладел Кувейтом, что, принимая во внимание ресурсы Ирака, давало ему контроль над 20% мировых запасов нефти². С захватом богатств Кувейта экономические трудности Хусейна уже не выглядели столь устрашающими. Важным приобретением для его страны стал также удобный доступ к Персидскому заливу через город Кувейт.

Потрясение, испытанное мировым сообществом от происшедшего вторжения, быстро сменилось действиями. 4 августа на своей пресс-конференции Президент США Джордж Буш прямо заявил, что агрессия Ирака «не останется без ответа». После этого заявления были значительно ускорены американские военные приготовления. Под руководством начальника Центрального командования США генерала Нормана Шварцкопфа началась переброска американских войск в Саудовскую Аравию; базирование американской армии и ВВС на ее территории было разрешено королем Фахдом из королевской семьи Саудидов. Подготовка к операции «Щит Пустыни», первоначально разработанной именно для того, чтобы удержать Ирак от вторжения в Саудовскую Аравию, шла полным ходом. Президент Буш выступил с инициативой создания международной коалиции, целью которой должно было стать противодействие агрессии Ирака. К концу августа Саддам Хусейн, возможно, понял, что любое вторжение в Саудовскую Аравию будет означать начало прямой военной конфронтации с Соединенными Штатами.

¹ Geyer A., Green B.G. Op. cit. P. 39.

² US Department of Defense. Conduct of the Persian Gulf War. P. 19.

В то время как дипломатические усилия носили спорадический характер, наращивание военных сил союзнической коалиции, противостоящей военной силе Ирака, шло в ускоренном темпе. К январю 1991 г. в ближневосточных странах были размещены войска 28 государств. Большую часть этого военного потенциала составляли американские части, но коалиция явно взяла на себя обязательства по подготовке к сухопутной войне против Ирака. Для проведения военно-воздушной кампании у союзников имелось 2430 боевых самолетов¹. 29 ноября 1990 г. Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 678, которая потребовала от Ирака вывести из Кувейта все свои войска к 15 января 1991 г. С приближением установленного срока сухопутные и военно-воздушные силы были приведены в боевую готовность.

Главный вопрос, будораживший общественное мнение в Соединенных Штатах и других странах коалиции, состоял в том, будут ли военные действия против Ирака морально оправданными, если условия, поставленные Ираку, не будут соблюдены. Несмотря на то что множество дипломатических инициатив не смогли разрешить этот кризис, экономические санкции ограничивали ресурсы, поступающие в Ирак из-за рубежа, так что возможность дипломатических шагов все еще была, по крайней мере теоретически. Многие задавались вопросом: может ли война с Ираком быть истолкована как война, отвечающая национальным интересам? С точки зрения международного права правомерность использования силы для прекращения торговли не очевидна. Статья 51 Устава ООН признает законной индивидуальную и коллективную самооборону. Можно было бы, конечно, доказать, что военные меры, принятые в интересах Кувейта, подпадали под действие статьи 51, и американская администрация, предпринимая шаги по осуществлению экономического эмбарго, апеллировала к этой статье. Термин «принуждение» обладает одной важной отличительной особенностью — это мирный термин, тогда как «блокада» — уже акт войны; он требовал такого уровня поддержки в Конгрессе США, который осенью 1990 г., очевидно, был невозможен. Соединенные Штаты определяли военно-морские действия в терминах «воспреещение» («interdiction»), или «перехват» («inter-

¹ *Freedman L., Karsh E. The Gulf Conflict 1990—1991: Diplomacy and War in the New World Order. P. 302.*

sertion»). Такое применение силы формально одобрил Совет Безопасности в Резолюции 665 от 23 августа 1990 г. В следующем месяце были заблокированы почти все воздушные и морские пути.

Прямые американо-иракские переговоры, предложенные Президентом Бушем в конце ноября, прошли 9 января 1991 г. в Женеве после напряженного дипломатического маневрирования. Американцы хотели дать понять, что они приложили все усилия для того, чтобы найти дипломатическое решение конфликта. Союзническая коалиция настаивала на том, чтобы Ирак согласился с резолюциями ООН. Дискуссии между американским госсекретарем Бейкером и непреклонным министром иностранных дел Ирака Азизом не привели к компромиссу и не дали какой-либо основы для оптимизма относительно дипломатического решения. Поэтому когда 12 января Конгресс США проголосовал в поддержку инициативы Президента Буша по принятию военных мер, это уже никого не удивило. Последующие усилия, предпринятые Францией, Генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльбаром, посетившим Багдад 11—14 января 1991 г., и Президентом СССР Михаилом Горбачевым, не привели к какому-нибудь успеху на дипломатическом фронте. 17 января 1991 г. в 3 часа ночи война началась с массированных авиаударов коалиции по иракским войскам.

Из-за того что Ирак обладал оружием массового поражения, решение начать эту войну было трудным. В США военные тайно строили планы по сдерживанию влияния на общественное мнение и на военнослужащих информации о том, что вооруженные силы коалиции могут понести большие потери. С минимально возможной оглаской были подготовлены 60 тыс. похоронных мешков и оборудование для химической очистки, продуманы планы по крупномасштабной обработке тел убитых и погребальным процедурам¹. Некоторые надеялись, что военно-воздушной кампании будет достаточно для того, чтобы убедить Саддама Хусейна вывести войска из Кувейта, но большинство признавало, что только сухопутная кампания может решить задачи, поставленные Президентом Бушем в речи, произнесенной 8 августа 1990 г.² Эти задачи включали:

¹ Geyer A., Green B.G. *Lines in the Sand: Justice and the Gulf War*. P. 130.

² Yeliv S.A. *The Persian Gulf Crisis*. P. 16.

- ✧ безоговорочный вывод из Кувейта всех иракских войск;
- ✧ восстановление законного правительства Кувейта вместо установленного Ираком марионеточного режима;
- ✧ защиту безопасности и стабильности в регионе;
- ✧ защиту жизни находящихся за границей американцев.

Сторонники и критики решения противопоставить действиям Ирака военную силу, приводя свои аргументы, часто обращались к *традиции справедливой войны*. Президент Буш, обсуждая достижение в этом конфликте целей США и ООН, специально прибегнул к категориям теории справедливой войны. В своем главном за время военно-воздушной кампании обращении в конце января 1991 г. он заявил, что Саддам Хусейн «сделал эту справедливую войну неизбежной войной», подразумевая при этом, что воспрепятствование захвату Кувейта Ираком было обязательным. В приводимом ниже отрывке из этой речи Президента США прямо используются аргументы, основанные на положениях теории справедливой войны:

Первый принцип справедливой войны заключается в том, что война должна предприниматься во имя правого дела. В нашем случае причина войны не могла бы быть более благородной. Мы стремимся к тому, чтобы Ирак вывел свои войска из Кувейта — полностью, немедленно и безоговорочно. Мы стремимся к восстановлению законного правительства Кувейта, а также безопасности и стабильности в зоне Персидского залива. Мы увидим, что Кувейт снова свободен, что кошмар иракской оккупации закончится и что неприкрытая агрессия потерпит крах.

Мы не добиваемся ничего для самих себя. Как я уже сказал, американские войска уйдут, как только закончится их миссия, как только они больше не будут нужны или желательны. И позвольте мне добавить, мы не стремимся к разрушению Ирака. Мы уважаем народ Ирака, мы признаем важную роль Ирака в регионе. Мы не хотим так дестабилизировать страну, чтобы сам Ирак мог стать мишенью для агрессии.

Но справедливая война должна также объявляться легитимной властью. Операции «Буря в пустыне» способствовали беспрецедентная солидарность ООН, принцип самообороны, 12 резолюций Совета Безопасности. Поэтому в зоне Персидского залива объединились 28 государств шести континентов, убежденные в том, что их не остановить и что агрессия Саддама не останется безнаказанной.<...>

Любая война — любая война — ведется по какой-то причине. Но справедливая война ведется по справедливым причинам — по моральным, а не эгоистичным причинам.<...>

Некоторые спрашивают, морально ли использовать силу для того, чтобы остановить происходящие в Кувейте изнасилования, мародерство и грабежи. И вот мой ответ: поскольку чрезвычайные дипломатические усилия по мирному разрешению вопроса исчерпаны, то использование силы морально оправдано.

Справедливая война должна быть крайним средством. Я часто говорил, что мы не хотели войны... Все 166 дней — со 2 августа 1990 г. до 15 января 1991 г. — мы

пытались разрешить этот конфликт. Для того чтобы достичь мира, чрезвычайные усилия приложил госсекретарь Джим Бейкер. Более 200 встреч с иностранными представителями, 10 дипломатических миссий, шесть выступлений в Конгрессе. Свыше 103 000 миль преодолели дипломаты для того, чтобы провести переговоры, в частности со странами — членами Организации Объединенных Наций, Лиги арабских стран и Европейского Сообщества¹.

2. JUS AD BELLUM

Хотя сам Саддам Хусейн настаивал на том, что вторжение в Кувейт было оправданным из-за экономической войны Кувейта против Ирака, никто в мире не считал эти заявления отвечающими духу теории справедливой войны. Если принцип *правого дела* и мог быть с натяжкой использован для оправдания войны, начатой Ираком, то принципу *добрых намерений* она никак не соответствовала. Хусейн явно домогался богатств Кувейта. Кроме того, это вторжение не выдерживает проверки на соответствие принципу *крайнего средства*. Важный критерий справедливости войны, обеспечиваемый принципом правого дела, как и другими принципами справедливой войны, с очевидностью применим к решению союзнических стран применить военную силу против Ирака. Невозможно оправдать действия Ирака в Кувейте. В то же время применение критериев традиции справедливой войны к действиям стран коалиции также подтверждают, что война против Ирака была морально оправданной. Далее мы более подробно рассмотрим это утверждение с точки зрения традиции справедливой войны.

Вторжение Ирака в Кувейт признается в качестве агрессии со стороны одного государства против другого, а эта точка зрения, несомненно, преобладает несмотря на заявления Хусейна от том, что это был ответ на несправедливость (Кувейт — законная часть Ирака, нападение Кувейта на иракское государство выразилось в том, что он якобы крал иракскую нефть из месторождения Румайла, отказывался снизить добычу нефти, простить займы на ирано-иракскую войну или обеспечить дальнейшее финансирование Ирака). Поэтому можно утверждать, что дело союзников было правое. Джеймс Т. Джонсон доказывает, что даже при наличии в международном праве тенденции сводить обоснование использо-

¹ Из речи Президента Джорджа Буша, произнесенной 28 января 1991 г. в Вашингтоне. Включена в: *Johnson J.T., Weigel G. Just War and the Gulf War.* Washington DC: Ethics and Public Policy Center, 1991. P. 142—144.

вания силы к защите от развивающегося или грозящего нападения традиционные представления относительно возвращения того, что не по праву захвачено, и наказания зла в настоящее время включаются в расширенную концепцию защиты. Таким образом, в ответ на начавшееся или завершившееся нападение страны члены международного сообщества могут нанести ответный удар и вмешаться в конфликт с целью остановить вооруженное нападение и прекратить неправомерную оккупацию территории¹. Согласно этой концепции, у союзников имелась достаточно веская причина для борьбы с Ираком.

Критерий *добрых намерений* стремительно усложняется. Утверждение Президента Буша «Мы не добиваемся ничего для самих себя» следует рассматривать как риторику. В 1990 г. 40% американского нефтяного импорта шло из стран Ближнего Востока². В этом регионе находятся более 2/3 известных мировых запасов нефти. Для экономического благосостояния США, Европы и большинства других промышленных стран мира было абсолютно необходимым поддержание надежного потока нефтяного импорта. Для того чтобы согласиться с заявлением о том, что ограничение контроля Саддама Хусейна над доступом к нефти и защита экономических интересов не выгодны Соединенным Штатам, нужно обладать большой долей легковерия. За те месяцы, что предшествовали началу войны, в публичных заявлениях и общественных дебатах назывались различные цели, важнейшими из которых были защита Саудовской Аравии, ликвидация оружия массового поражения Ирака, безопасность Израиля, устранение сохраняющейся по вине Ирака угрозы стабильности на Ближнем Востоке, закладывание фундамента для построения нового мирового порядка и укрепление политического положения Президента Буша в его стране.

Критики, обсуждавшие планы руководства США и других стран коалиции, заранее предполагали у них недобросовестность и отсутствие приемлемых намерений: восстановление национальных и гражданских прав, а также прав человека, установление нового порядка и стабильности и приверженность сохранению мира. Разбор действительно глубинных намерений до конфликта и во время него всегда по меньшей мере труден. Упомянутая недобросовестность обычно доказывается последствиями войны, в

¹ Johnson J.T., Weigel G. Op. cit. P. 21—22.

² Geyer A., Green B.G. Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. P. 51.

результате которой обнаруживаются расширение территории и нарушение прав человека, а мир так и не наступает. Хотя установление мира, конечно, не было результатом войны в Персидском заливе, никаких явных признаков недобросовестности коалиции не отмечалось, когда усилиями союзнических войск был восстановлен *status quo ante*¹, а войска Ирака (уже довольно измотанные) были отброшены к своим границам. После того как Ирак подписал соглашение об окончании войны, собранная коалицией военная машина огромной разрушительной силы была «разобрана» и составляющие ее национальные подразделения были возвращены на свои военные базы. Теперь можно сказать, что, хотя конфликт отвечал многим национальным интересам, общие цели оказались оправданными с точки зрения намерения восстановить порядок, мир и справедливость, т.е. правильного намерения в его классической формулировке². Общей целью коалиции было восстановление мира на Ближнем Востоке, что является сутью правильного намерения.

Были также и вопросы относительно того, в какой мере применение военной силы соответствовало критерию принципа легитимной власти. На одном уровне, почти не раздумывая, мы могли бы, вероятно, согласиться с требованиями Президента Буша. Главы национальных государств как суверенных субъектов мирового порядка традиционно обладают полномочием ввести в бой вооруженные силы государства. Коалиция из тех государств, которые объединили свои вооруженные силы с тем, чтобы дать отпор агрессии Ирака, была создана из сотрудничавших между собой национальных государств. На международном уровне Совет Безопасности принял Резолюцию 678, которая давала полномочия на использование военной силы, если это необходимо для восстановления суверенитета Кувейта. Благодаря тому что операция в Персидском заливе была поддержана рядом резолюций ООН³, а

¹ В прежнем состоянии (лат.).

² *Johnson J.T., Weigel G. Just War and the Gulf War. P. 25.*

³ Как указывают Гейер и Грин, возможно, самыми важными из множества резолюций ООН были: Резолюция 660 (2 августа), в которой осуждалось вторжение Ирака и предусматривался немедленный вывод иракских войск из Кувейта; Резолюция 661 (6 августа), наложившая торговое и финансовое эмбарго на Ирак; Резолюция 678 (29 ноября), в которой в соответствии с требованиями ООН был установлен предельный срок 15 января и предоставлялись полномочия на использование «всех необходимых средств» для обеспечения выполнения резолюций ООН (*Geyer A., Green B.G. Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. P. 113.*)

также группой государств, критерий легитимной власти, по-видимому, был соблюден в той мере, в какой это вообще было возможно.

Решения Президента Буша значительно расширить американские обязательства в рамках операции «Щит пустыни» в ноябре 1990 г. и начать в январе 1991 г. интенсивную бомбардировку Ирака и иракских вооруженных сил были совершенно достаточны для большинства внешних дипломатических институтов, поскольку речь шла о критерии легитимной власти. Однако проблема легитимности власти на внутривластном уровне в США была двусмысленной. Напряженные споры внутри страны породил вопрос о противостоянии власти Президента власти Конгресса США. После принятия Советом Безопасности ноябрьской Резолюции 678 Президент Буш указывал на то, что у него достаточно полномочий, чтобы ввести в бой американские войска. Однако главы Палаты представителей и Сената США настаивали на том, что, согласно положениям Конституции, только одобрение со стороны Конгресса может легитимировать наступательные военные действия. В январе 1991 г. Конгресс США провел дебаты относительно проблемы использования «всех необходимых средств», как это определено в Резолюции 678. 12 января в Сенате и Палате представителей США состоялось голосование. В поддержку Президента Буша, Резолюции 678 и предельного срока выполнения ультиматума 15 января в Сенате голоса распределились 52 к 47, а в Палате представителей — 250 к 183. И хотя Конгресс не объявлял войну, решение Президента Буша начать военно-воздушную кампанию 17 января прошло испытание легитимной власти на национальном уровне.

Все упомянутые критерии традиции справедливой войны — принцип вероятности успеха, принцип соразмерности и принцип крайнего средства — сосредоточиваются на предсказуемости последствий применяемых мер. Поэтому как этические принципы эти критерии вполне разумны. Национальные интересы уравновешиваются этической озабоченностью относительно военных потерь. Несомненно, принцип вероятности успеха отражает это равновесие. В пустыне войска коалиции как по численности, так и по технической оснащенности превосходили действующие войска Ирака, однако дивизии республиканской гвардии — отборные иракские войска — были закаленными в боях ветеранами жесто-

кой войны с Ираном. Несмотря на то что иракские войска задолго до января 1991 г. заняли хорошо подготовленные оборонительные позиции, с самого начала военно-воздушная кампания стала проходить при полном превосходстве, что сделало военный успех коалиции не только обоснованным, но и весьма вероятным.

С политической точки зрения успех войны был не столь несомненным. Могли ли союзники восстановить суверенитет Кувейта, не разрушив страну в ходе этого процесса? Не будут ли повреждены нефтяные скважины до такой степени, что это отрицательно скажется на перспективах поставок нефти на международном рынке? Устранит ли поражение армии Ирака угрозу миру на Ближнем Востоке в лице Саддама Хусейна? Не разыграет ли Хусейн израильскую карту, втягивая Израиль в войну и делая устойчивость коалиции проблематичной? Не причинит ли возможное применение Ираком химического и даже биологического оружия потери в такой степени, что это возбудит противодействие войне со стороны общественного мнения? Можно ли ожидать поддержки общественного мнения при любом исходе войны?

После войны Президент Буш объявил, что «вьетнамский синдром» прошел. До войны никто таких заявлений не делал, и американское правительство беспокоилось о поддержке со стороны общественного мнения. Согласно сообщениям, вначале серьезные оговорки относительно нападения на Ирак имелись у Египта, Сирии и Франции¹. Тем не менее, несмотря на все эти политические двусмысленности, Президент Буш добился той степени поддержки в международном сообществе, которая сделала успех вероятным.

Главная неопределенность в военной операции была связана с планируемыми потерями: этот вопрос регулируется принципом соразмерности. Любое подведение баланса потерь и выгод начинается со смерти и человеческих страданий. Применение критерия соразмерности требует планирования вероятных последствий на основе имеющейся информации. Коалиция готовилась к потерям в сухопутной войне более 10 тыс. человек, ожидая гораздо большие потери среди вооруженных сил Ирака. У нас нет данных о том, что потенциальные потери и страдания среди иракских военных и гражданских лиц сыграли какую-то существенную роль в

¹ Geyer A., Green B.G. *Lines in the Sand: Justice and the Gulf War*. P. 128.

принятии решения начать войну. При оценке соразмерности, как бы неразумно ни было это делать в данном конкретном случае, многие приписывают народу страны вину за решения ее правителей. Эта реакция, возможно, сыграла свою роль в решениях, связанных с войной в Персидском заливе. Кто-то может сказать, что за злодеяния, совершенные войсками Ирака против народа Кувейта, до некоторой степени ответствен иракский народ, так как он позволил Саддаму Хусейну остаться у власти. Возможно, по утверждению строгих поборников справедливости, тот факт, что у граждан тоталитарного государства в таких вопросах небольшой выбор, лишь до некоторой степени снижает эту ответственность. Требования международной справедливости и импульс наращивания политической и военной силы несомненно уменьшали значение потенциальных потерь Ирака. Можно предположить, что бедствия, выпавшие на долю иракских граждан, в незначительной степени повлияли на решение коалиции начать наступательные действия в пустыне. В данном историческом примере принцип соразмерности, по-видимому, не очень тщательно рассматривали при принятии решения о вступлении в войну.

Собирающиеся вступить в войну государства редко могут точно оценить неизбежные потери с обеих сторон. Обычно вопросы соразмерности, выходящие за пределы общих рассуждений, ожидают своего решения до тех пор, пока не закончится конфликт, и даже тогда расчеты, выходящие за пределы непосредственных причин и следствий, затруднены. По наиболее очевидной категории — военные потери — у нас все еще нет точных цифр потерь со стороны Ирака. Сейчас точно известно общее число убитых в боях союзников (243 человека), а о потерях Ирака до сих пор можно только догадываться. Оцениваемое число убитых военнослужащих колеблется от 10 тыс. до 100 тыс. человек¹. Еще труднее определить численность гражданских лиц, погибших в результате прямого или косвенного влияния войны. Данные о многочисленных потерях среди некомбатантов играли важную роль в военной пропаганде Ирака, поэтому можно предположить, что эти сведения были раздуты. Но и заявления коалиции относительно жертв среди мирного населения Ирака едва ли основаны на точной информации. В то же время утверждения коалиции об ограничен-

¹ *Yetiv S.A. The Persian Gulf Crisis. P. 118.*

ном числе жертв не поддаются проверке. Если даже данные, полученные после войны, остаются проблематичными, то заранее возможны только гипотетические прогнозы. Признавая это ограничение, те, кто принимают решения, вполне понятно, могут придавать принципу соразмерности меньшее значение, чем принципу правого дела.

Такая неопределенность делает еще более значимым критерий крайнего средства. Опасности войны известны, и главным становится требование перед началом вооруженного конфликта рассмотреть все разумные альтернативы. Это относилось и к конфронтации в Персидском заливе. Почти накануне начала крупномасштабной военно-воздушной кампании против Ирака и его развернутых военных частей сенаторы Джордж Митчел и Сэм Нанн предложили проект резолюции о применении экономических санкций и дипломатического давления вместо военных операций. Сенат с трудом отверг это предложение до того, как была поддержана формулировка «все необходимые средства» в Резолюции ООН 678¹. В США и других странах раздавалось множество голосов с требованием наложения санкций в качестве дополнительной возможности оказать давление на Саддама Хусейна с тем, чтобы он вывел войска из Кувейта. Хотя мы никогда не узнаем, убедило бы Хусейна продолжение санкций согласиться с требованиями международного сообщества или нет, открытое неповиновение Хусейна санкциям в течение всего послевоенного периода, несмотря на страдания гражданского населения, позволяет предположить, что продолжение одной лишь политики эмбарго не заставило бы его вывести войска из Кувейта.

Однако, как мы уже доказывали ранее в этой книге, человек всегда может утверждать, что в запасе у него есть еще один шаг, и всегда приводит довод в пользу еще одного усилия перед использованием военной силы. Те, кто принимают решения, стараясь твердо придерживаться критерия крайнего средства, должны рассмотреть, были ли исчерпаны все *разумные* альтернативы. Являются ли имеющиеся в распоряжении альтернативы *вероятными*, чтобы достичь тех целей, на которые будут направлены военные операции? Санкции достигают успеха тогда, когда их результаты оказывают на правительство столь сильное давление, что оно

¹ Geyer A., Green B.G. Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. P. 124.

подчиняется выдвинутому требованию. В случае Ирака в 1990—1991 гг. санкции создали трудности для иракского народа, но стало очевидно, что Саддам Хусейн остался при этом таким же непреклонным. Разнообразие дипломатических усилий с августа 1990 г. по январь 1991 г., включая выдвинутые в последний момент инициативы Президента России М.С. Горбачева и Генерального секретаря ООН Переса де Куэльяра, не привели к какому-нибудь прогрессу. Коалиция могла представить это как веское доказательство в пользу того утверждения, что, поскольку критерий апробирования всех разумных альтернатив удовлетворен, необходимо перейти к наступательным действиям против Ирака.

Война в Персидском заливе (1990—1991) фактически дает один из наименее спорных примеров оправданного использования военной силы в XX в. Идет ли речь о крупном и сложноструктурированном государстве или о широком содружестве государств, в каждом конкретном случае критерий добрых намерений всегда становится предметом дебатов. Разные и противоречивые интересы делают это неизбежным. В войне в Персидском заливе намерения коалиции менее всего подвергались сомнению: главным было вернуть то, что было захвачено Ираком в результате агрессии. Восстановление правительства суверенного государства, которое было членом ООН, создавало необходимую для военных операций коалиции моральную легитимность.

Хотя принцип соразмерности часто дает военным операциям только поверхностную поддержку, чрезмерная жестокость Ирака и применение им силы во время неприкрытой агрессии сделало соразмерность более легко соблюдаемой нормой, чем в большинстве войн между могущественными государствами. Учитывая соразмерность и доброе намерение, коалиция получила веский довод для оправдания начала военных действий против Ирака.

3. JUS IN BELLO

Атаковавшие Ирак войска коалиции приложили огромные усилия для того, чтобы контролировать сообщения средств массовой информации. Сначала это делалось в целях безопасности (например, необходимо было скрывать факт перемещения многочисленных войск к дальнему левому флангу района сухопутных операций для осуществления известного «левого крюка»), а потом из-за

заинтересованности в поддержке операции «Буря в пустыне» со стороны общественного мнения, но, несомненно, война в пустыне была войной средств массовой информации. Признавая этот факт, военные силы коалиции, особенно ее военно-воздушные подразделения, тщательно выбирали цели. Как заметил Рик Аткинсон, «вне всякого сомнения американцы и их союзники приложили большие усилия для того, чтобы минимизировать «побочный ущерб» по причинам как гуманным, так и политическим. Большинство высоких должностных лиц признавало, что большие жертвы среди гражданского населения могли воспламенить арабский мир и подорвать моральную репутацию коалиции»¹.

Война в Персидском заливе впервые предоставила возможность для широкого использования «умного оружия» — бомб и ракет, которые можно точно наводить на определенные цели часто даже на конкретную точку на выбранной цели. Но с самолетов сбрасывались «железные бомбы» (не управляемые после сбрасывания), а против войсковых подразделений и боевых позиций в пустыне использовалась преимущественно обычная боевая техника и применение принципа различия здесь было меньшей проблемой, чем в окрестностях Багдада и других иракских городов. Для поражения целей в городских районах часто использовались высокотехнологичные бомбы и ракеты, на пресс-брифингах коалиции демонстрировались примеры того, как бомбы или ракеты прокладывали себе путь в окно или через дымовую трубу. Такие виды оружия составляли менее 7% общего количества сбрасываемых бомб², и лишь тем, кто следил за военными новостями по сообщениям СМИ, находясь вдалеке от театра военных действий, могло показаться, что в воздушной войне использовалось только избирательное высокотехнологичное оружие и что гражданские лица ограждены от возможного ущерба. На самом деле даже цифры, приводимые представителями коалиции, показывают, что, по достоверным данным, во время бомбардировок были убиты более 2300 иракских гражданских лиц и приблизительно 6 тыс. ранены³.

Даже самая тщательно наведенная бомба будет подвергаться опасности некомбатантов, если она неправильно направляется на

¹ *Atkinson R.* Crusade: The Untold Story of the Gulf War. N.Y.: Houghton Mifflin, 1993. P. 225.

² *Geyer A., Green B.G.* Lines in the Sand: Justice and the Gulf War. P. 138.

³ *Atkinson R.* Op. cit. P. 225.

цель, и, конечно, некоторые бомбы всегда падают неудачно, а некоторые цели просто неверно определены. Самый трагический пример такого рода: 13 февраля 1991 г. «глубинная бомба» была сброшена на узел связи в багдадском районе Амарийя, который служил также в качестве подземного укрытия для гражданского населения. Бомба точно попала в намеченную цель, но цель оказалась не тем, что предполагали лица, планирующие военно-воздушные операции. Были убиты свыше 300 человек, почти все они — гражданские лица, которые просто искали безопасное укрытие на ночь. Последовавшая за этим волна открытой критики привела к прекращению бомбардировок любых целей в Багдаде. Пример с Амарийей обнаруживает как недостатки слишком сильного доверия технике и ее возможности точно поражать намеченные цели, так и то внимание, которое руководители военно-воздушных операций коалиции уделяли принципу различия. Минимизация потерь среди некомбатантов на протяжении всего конфликта оставалась главной заботой стран, выступивших единым фронтом против Ирака.

Проблема различия остро встала и при бомбардировках гражданской инфраструктуры. В круг целей для военно-воздушных сил коалиции входили также дороги, железнодорожные пути, мосты, нефтеперерабатывающие заводы, телефонные станции и электростанции. Урон жизни гражданского населения Ирака был масштабным. Потеря электроэнергии негативно отразилась не только на военном потенциале Ирака, но и на возможностях очистки и подачи воды, на медицинском обслуживании, работе холодильных установок, обработке и удалении сточной воды и на множестве других зависящих от электроэнергии сторон жизни современного общества. Оправданность ударов по таким целям остается спорной. Нанесенный ущерб затруднил послевоенное восстановление Ирака, особенно когда ООН наложила на него суровые экономические санкции. Страдания, выпавшие на долю гражданского населения Ирака после войны, были тяжелыми, и они полностью задокументированы. Другое дело, что на иракском правительстве лежит прямая ответственность за то, что оно не смогло обеспечить действенных мер для ослабления этих тягот. Строгое применение принципа различия делает проблематичным выбор гражданской инфраструктуры Ирака в качестве цели для нападения.

У Ирака не было высокотехнологического оружия, и кажется вполне понятным, что иракские удары ракетами «Скад» по Израилю и Саудовской Аравии предназначались специально для того, чтобы внушить гражданскому населению ужас и таким образом облегчить достижение политических целей. Ракеты «Скад» действительно усиливали напряженность. Нужно было убедить Израиль не принимать ответные военные меры. Вмешательство израильтян затруднило бы участие арабских стран — членов коалиции в продолжении их военного сотрудничества в противостоянии Саддаму Хусейну — факт, который в свою очередь оказывал большое давление на дипломатические усилия США по удержанию израильтян в стороне от конфликта. Поведение иракских войск в Кувейте также свидетельствовало о том, что принцип различия не был ограничением, признаваемым всеми, в любой форме. Например, с кувейтскими гражданскими лицами иракцы обращались плохо: имели место убийства и физические расправы, не говоря уже о широко распространенном мародерстве.

За время войны в Персидском заливе погибло много иракцев. Приведенные выше оценки не затеяют того факта, что потери союзников были очень низки, а иракские потери исчислялись многими тысячами. Таким образом, если принять во внимание эту несоразмерность, возникает вопрос: применили ли союзники больше силы, чем это было необходимо, и, следовательно, больше, чем требовалось для нанесения поражения Ираку? В категории *jus in bello* принцип соразмерности требует того, чтобы степень насилия, примененного в преследовании военных целей, была соразмерна значению военной цели. Этот принцип не следует понимать просто как переформулировку в моральных терминах принципа экономии силы. Минимально необходимая сила может вполне стать чрезмерно жестокой или негуманной и, следовательно, недопустимой, точно так же, как средство более сильное, чем это необходимо для достижения конкретной военной цели, может быть в моральном смысле более предпочтительным в некоторых необычных ситуациях. В большинстве случаев принцип соразмерности, конечно, ограничивает применение силы.

Разработчики планов союзников знали, что во время атак на иракские военные цели «железные бомбы» будут поражать цели противника, возможно, в 25% случаев. Оценка количества бомб, «достаточного» для поражения цели, зависела от специальных

расчетов. Разработчики планов не имели желания использовать больше бомб, чем это было необходимо. Но, несомненно, это верно в отношении высокотехнологичных бомб, запас которых был ограничен. При проведении военных операций одна из задач всегда заключается в том, чтобы потери среди собственных войск были как можно ниже. Этот принцип является решающим, если предстоит вести войну до успешного завершения. Никто заранее не знает, сколько потребуется солдат и боевой техники. В результате степень насилия, необходимого для достижения военных целей, в каждом случае будет зависеть от обстоятельств и всегда будет непредвиденной. Таким образом, возможности оружия становятся центральным предметом дискуссий о соразмерности.

Одним из новых видов оружия, использовавшихся союзниками в войне в Персидском заливе, было топливовоздушное взрывчатое вещество. Это — наполненные легкоиспаряющимся топливом крупные бомбы, используемые для разрушения укреплений. Они взрывались в виде огромной шаровой молнии, которая порождала разрушительную волну давления. Некоторые критики утверждали, что ущерб, причиняемый таким взрывчатым веществом, был несоизмеримым. Однако задача состояла в том, чтобы вывести из строя как можно большее число врагов. Достигается ли это с помощью массированных артиллерийских обстрелов или с помощью применения особых видов вооружения, является вопросом тактики, и к этической стороне дела, связанной с приложением принципа соразмерности, непосредственного отношения не имеет.

Во время войны в Персидском заливе произошел один инцидент, который, несомненно, заставил говорить о критерии соразмерности. 28 февраля 1991 г., через два дня после объявления о прекращении огня, 24-я пехотная дивизия армии США уничтожила иракские войска в сражении при Румайле (северный Кувейт). Части подразделения иранской республиканской гвардии «Хаммурапи», отступая к Ираку, открыли огонь по американским войскам. Ожесточенный ответ со стороны 24-й пехотной дивизии, применившей все имевшиеся в ее распоряжении огневые средства, уничтожил в сражении, которое продолжалось меньше часа, более 700 боевых транспортных средств и заставил иракские войска спасаться бегством. Ни один американец не погиб. Иракские потери остались неизвестны, но очевидно, что они были значительными. Если оставить в стороне тот факт, что коалицией было

объявлено о прекращении огня (это не имело значения в момент, когда противник открыл огонь), была ли военная сила, примененная в этом сражении, чрезмерной?

Использование в боевых операциях имеющихся сил для того, чтобы наиболее эффективно нанести урон врагу, едва ли будет оспариваться комбатантами. Действия 24-й дивизии в сражении при Румайле были отражены в комментариях, сделанных позже ее командиром, генералом Барри Маккаффри: «...Самое ценное, о чем мы должны заботиться, — это жизни американских солдат, и самый лучший способ защитить их состоит в том, чтобы решительно использовать военную мощь». Военный принцип экономии силы требует, чтобы командующие расходовали минимум военной мощи, необходимой для достижения целей, таким образом сохраняя боевые ресурсы для выполнения других задач. Командующий, который попусту тратит свои ресурсы, проявляет недостаток компетентности. Обратное также верно. По логике, полководец, стремясь достичь успеха в настоящий момент и в будущем, должен как можно сильнее ослаблять врага. Милосердие во время войны является либо *non sequitur*¹, либо приглашением к собственному поражению. Если мы признаем, что профессионально компетентные военные командиры будут всегда стремиться минимизировать потери в своих войсках и максимизировать потери в войсках противника, мы не должны удивляться огромному дисбалансу потерь среди противоборствующих войск с весьма несоизмеримыми потенциалами.

Ни один из принципов *jus in bello* не может применяться с хирургической точностью или математической несомненностью. Оба они служат руководством в том взгляде на вещи, который должны усвоить комбатанты, и требуют компетентной оценки для того, чтобы служить цели минимизации человеческих страданий и нахождения пути к миру.

¹ *Non sequitur [нон сэквитур] — здесь: неуместно (лат.).